

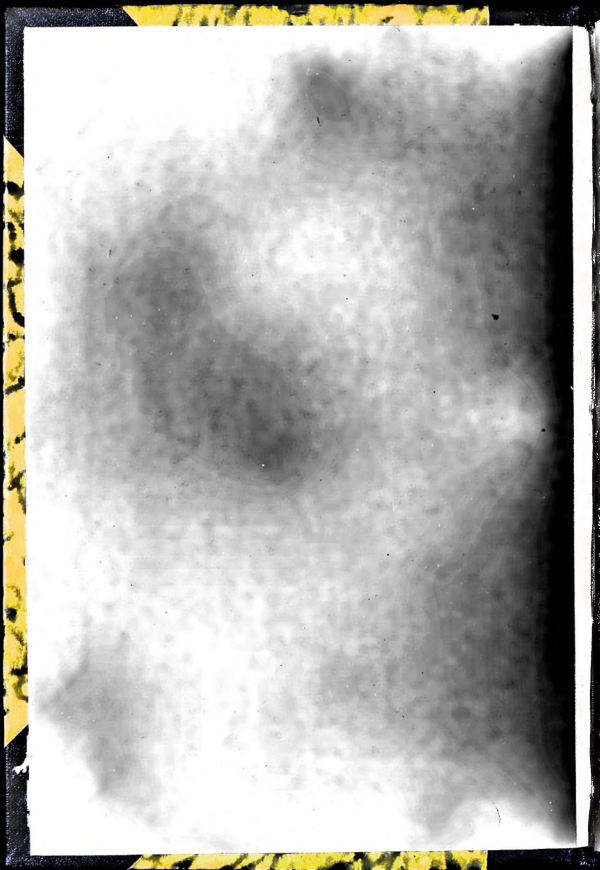
Троцкий Л.Д.

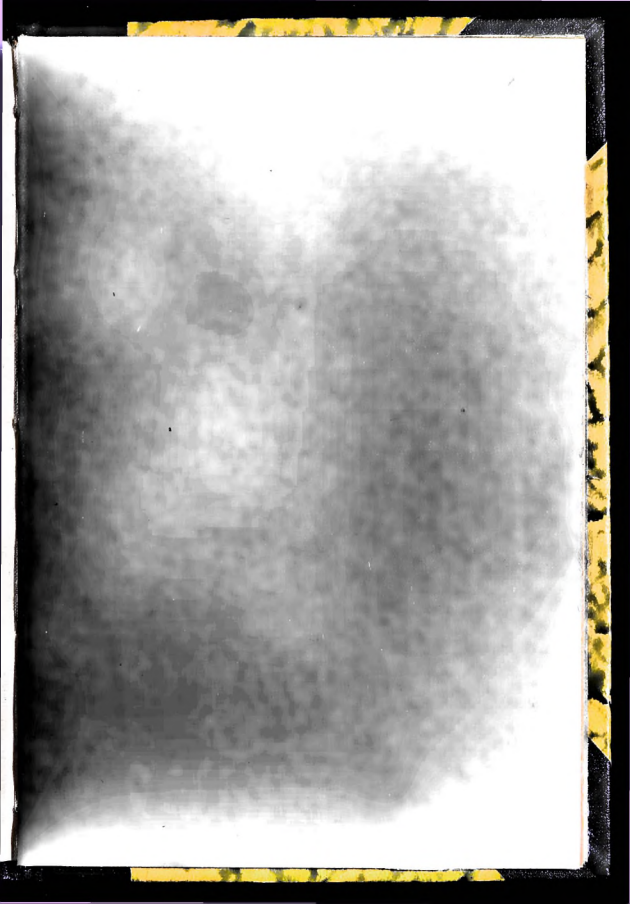
Материалы
для докладов.
V годовщина Октя.
революции и IV
конгресс Коминтерна

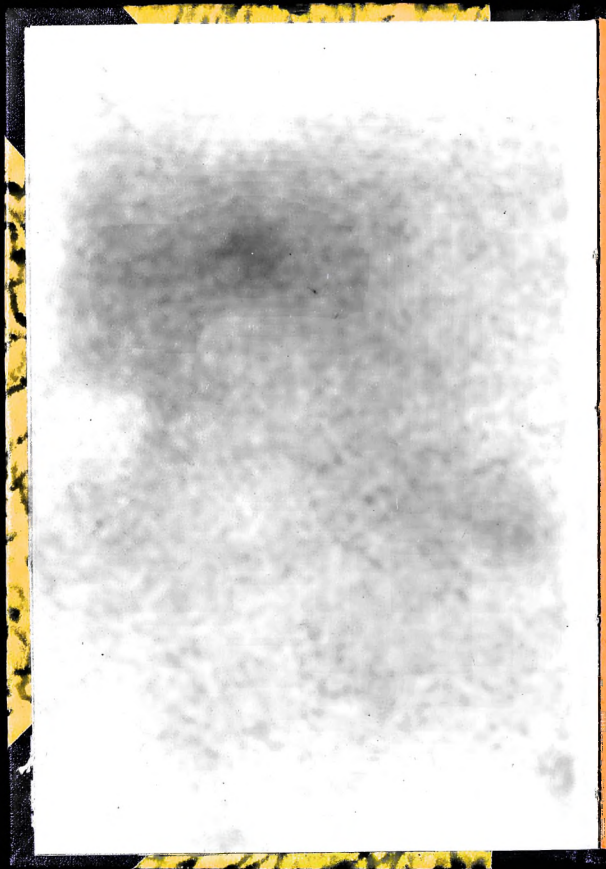
ИИЛ — Библиотека

ЕН171

17215

Московский Комитет Р. К. П.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕН171
П 215

№ 7

МАТЕРИАЛЫ ДЛѢ ДОКЛАДОВ.

Троцкий, Л. Д.

V ГОДОВЩИНА

Октябрьской революции и IV конгресс
Коминтерна.

(Доклад т. Троцкого).

МОСКВА.
1922 г.

К

ЕН171
П 215

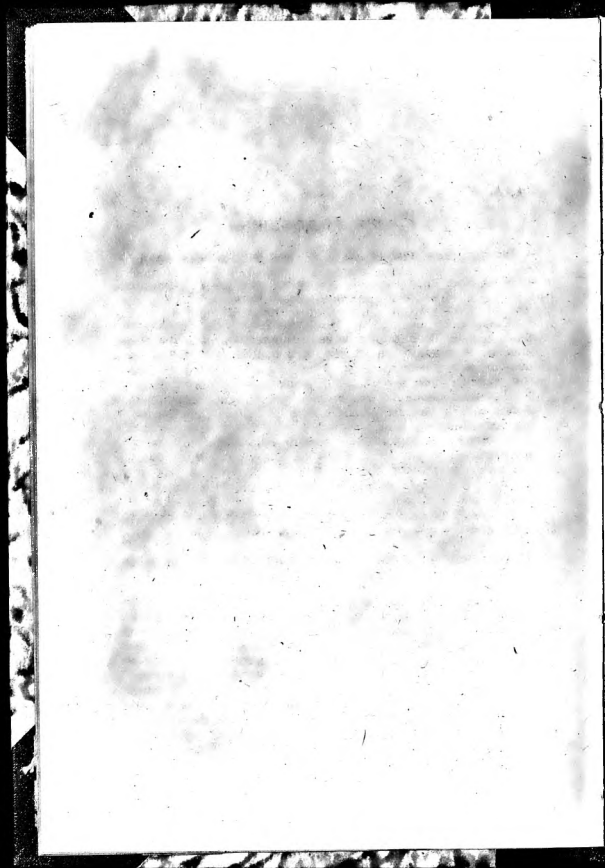
~~89~~
~~12/99~~

1063134 *

~~3702~~ с. 1.
26

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. V годовщина Октябрьской революции и IV конгресс Коминтерна.
 - а) Клубок капиталистических противоречий разматывается, начиная с России.
 - б) Основной урок русской революции.
 - в) Издержки революции.
 - г) Европейские коммунисты должны завоевать рабочий класс.
 - д) Положение международного капитализма.
 - е) Предстоящая тактика компартий.
 - ж) Положение в Англии и Франции.
 - з) От работы наспех — к систематической работе.
 - и) Воспитание молодежи — вопрос жизни и смерти партии.

Пятая годовщина

Октябрьской революции и IV конгресс Коминтерна.

(Доклад тов. Троцкого на заседании активных работников Москов. организации 20-го октября *).

Товарищи, 4 й конгресс Коммунистического Интернационала должен собраться в момент юбилейный для Советской власти, в 5-тилетие ее. Этим двум событиям и должен быть посвящен мой доклад. Юбилей, конечно, дело чисто-формальное, календарное, и события не располагаются по календарю. 5-тилетие Советской власти не представляет какого-либо законченного исторического периода, а тем более в нашу революционную эпоху, когда все измеряется, течет и все еще далеко не находится в покое и не скоро найдет свои законченные формы. Тем не менее вполне понятно стремление каждого сознательного человека, тем более коммуниста, отдать себе отчет в том, что произошло, и проанализировать положение, как оно создалось вот к этой календарной формальной дате, к пятилетнему юбилею советской власти и стало быть к 4-му конгрессу Коминтерна.

Клубок капиталистических противоречий разматывается, начиная с России.

Третьего дня мне пришлось быть в партийной ячейке завода бывш. Бромлей. Там один из товарищей, член ячейки поставил вопрос: „в какой стране пролетарская революция была бы наиболее выгодна с точки зрения интересов коммунистов?“ Подумавши немного, я ответил, что с этой отвлеченной точки зрения надо сказать, что наиболее выгодна была бы революция в Соединенных Штатах Сев. Америки. Почему? Вполне понятно. Это страна, наиболее независимая в хозяйственном смысле. У нее сельское хозяйство и промышленность в такой степени уравновешивают друг друга, что страна может в случае, скажем, какой-нибудь бешеной блокады вести вполне самостоятельное существование. Затем

*) Стенограмма тов. Троцкий не просмотрена.

эта страна самая богатая, располагающая первой в мире индустриальной техникой, страна, имеющая в своих руках около половины, а может быть немного менее видимого золотого запаса. Страна, которая сосредоточила в своих руках большую половину производства важнейших отраслей. Конечно, если бы пролетариат в этой стране взял в свои руки власть, то материальные основы, организационно-технические предпосылки для социалистического строительства у него были бы превосходны. Вторая по очереди страна, мы сказали бы, Англия, Великобритания, а Россия в этом порядке оказалась бы если бы не в последней очереди (потому что есть Азия, есть Африка), то по крайней мере в пределах Европы, она занимала бы одну из последних очередей. Между тем история этот клубок разматывает, как вы знаете, с другого конца, именно со стороны России, страны в хозяйственном и культурном смысле из больших капиталистических стран наиболее отсталой, в хоз.-техническом смысле очень зависимой, а затем и в конце разоренной войною. И сейчас, если мы спросим себя, каковы политические предпосылки пролетарской революции в Соединенных Штатах, то, разумеется мы вполне можем допустить такой ход событий, который чрезвычайно ускорит завоевание власти сев.-американским пролетариатом. Но если мы возьмем положение в том виде, как оно сложилось сегодня, мы должны сказать, что в этой сильнейшей, крупнейшей, решающей, руководящей капиталистической стране предпосылки политические, т. е. предпосылки, лежащие в плоскости создания планомерной организации партий и классов, в ней наименее подготовлены. Можно было бы посвятить целый доклад для объяснения того, почему история начала разматывать клубок революции вот с такой наиболее слабой и отсталой в хозяйственном смысле страны, как наша, но тогда я не имел бы возможности говорить ни о 4-м конгрессе, ни о пятилетии Советской власти. Для нас достаточно сейчас факта, достаточно того, что мы за эти пять лет оказались вынужденными прodelывать работу социалистического строительства в наиболее отсталой в хозяйственном смысле стране, при сохранении смертельно нам враждебного капитала в странах капиталистических, несравненно экономически нас превосходящих. Это основной факт и из него, конечно, проистекала страшная напряженность нашей гражданской войны.

Основной урок русской революции.

Здесь, если мы захотим сделать наш основной вывод, мы должны будем с похвалой сказать о нашей партии, что она дала колоссальный пример пролетариату всех стран, как бороться за власть и как, овладевши ею, отстаивать эту

власть при помощи мер самых твердых, где нужно, суровой, беспощадной диктатуры, не останавливаясь ни перед какими наиболее решительными, попирающими буржуазное лицемерие мерами, раз дело идет о том, чтобы обеспечить за революционным пролетариатом государственную власть. И по этому учебнику русской революции, который надо бы написать, будут учиться рабочие всех стран в течении ближайших лет, а, может быть, десятилетий, ибо на какой срок затянется пролетарская революция с начала своего и до конца, сказать нельзя, но это целая историческая эпоха. Делали ли мы ошибки или нет в гражданской войне (разумеется, их можно найти), но в общем мы проделали наиболее классическую часть нашей революционной работы. Мы не раз говорили об ошибках, которые обусловили необходимость для нас в хозяйств. области отступления и большого отступления, которое известно у нас под именем НЭП. Тот факт, что мы пошли с самого начала по известному пути вперед, потом отступили и ныне закрепляемся на известных позициях, чрезвычайно нарушает перспективу не только у наших врагов, но и у многих из наших друзей. Благожелательные нам корреспонденты и многие коммунисты, европейские и американские, первым вопросом ставят как при поседке нашей делегации в Генуэю, так и теперь, что вот в этой Москве многое изменилось (а многие посещали Москву в 19 и 20 гг.) и что теперь она стала слишком похожа на европейские и американские города, и где вообще гарантия того, что, вы русские коммунисты, остановитесь дальнейшего развитие и направите в сторону коммунизма, а не капитализма. Где гарантия?

Общее впечатление такое, при поверхностном наблюдении, как будто социалистические завоевания, сделанные в 1-ый период, сейчас стихийно, автоматически куда-то уползают, рассыпаются и не видно той силы, которая способна была бы их задерживать. Можно повернуть, товарищи, вопрос с другого конца и можно сказать так: забудем на минуту, что мы пошли по линии так называемого военного коммунизма и затем отступили на нынешнюю позицию. Возьмем положение, как оно есть сегодня, и сравним с тем, что было 25-го октября или накануне 1917 г. Если нас иностранные наши благожелатели или коммунисты европейские или американские подвергнут допросу, то мы скажем: железные дороги, шахты, заводы, фабрики находились тогда в руках у частных собственников. Огромное пространство земли и недра земных находилось в руках у частных собственников. Теперь все железные дороги, подавляющее большинство, или во всяком случае все важнейшие заводы и ф-ки, все ценнейшие недра земли находятся в руках государства, которое в свою очередь является собственностью рабочего класса,

опирающ^еся на крестьянские массы. Это тот факт, который мы имеем перед собой в результате 5-ти лет. Было наступление и отступление, но вот итог: в результате 5-ти лет важнейшие средства промышленности и производства и значительная часть средств сельско-хозяйственного производства находятся в непосредственном ведении и управлении рабочего государства. Это есть основной факт. Но чем было вызвано отступление? Вопрос очень существенный, ибо самый факт отступления нарушает перспективу. Как мы себе представляли порядок, ход национализации средств промышленности и организацию социализма? Во всех наших старых книжках, наших учителей и наших собственных, мы всегда говорили и писали, что рабочий класс овладев государственной властью, будет шаг за шагом национализировать, начиная с наиболее подготовленных средств производства, и переводить их на социалистические основы. Остается ли это правило в силе до сего дня? Безусловно, и мы скажем на 4-м конгрессе, где будем обсуждать вопрос о коммунистической программе, мы скажем, что рабочий класс, который овладеет властью в Германии ли или во Франции, должен ли он начать с того, чтоб разбить аппарат организации технических средств, торгового хозяйства и заменить их универсальным учетом? Нет, рабочий класс должен овладеть методами буржуазного оборота, методами калькуляции методами биржевого оборота, методами банковского оборота и постепенно, в меру своих технических сил и подготовленности, переходить на плановые начала, заменяя калькуляцию, подсчетом выгоды или невыгоды данного предприятия, заменяя ее учетом централизованных средств и сил и в том числе и рабочих сил. Это есть основной урок, который мы должны снова преподать рабочим всего мира, урок, который мы получили от наших учителей. Если мы его нарушили, то в силу условий политического характера, в силу давления, которое было на нас после завоевания нами государственной власти. Это есть важнейшее отличие пролетарской революции, которая произошла в России, от той революции, какая была бы, скажем, в Америке. Там до завоевания власти рабочему классу придется преодолеть колоссальнейшие трудности, но когда он овладеет ею, то давление тех фронтов, на которых нам пришлось бороться, будет меньше, потому что наша страна с мелкой буржуазией, с отсталым кулачеством пережила революцию по другому, и наша революция обрушилась на буржуазию врасплох. Мы самым фактом Октябрьской революции научили буржуазию понимать, что она теряет, когда рабочие взяли власть, и только факт самой революции толкнул буржуазию, кулачество и офицерство на организацию. Мы разрушили буржуазию не столько до 25 октября и в

ночь с 25 на 26-ое, сколько в течение 3-х лет после 25-го октября, когда буржуазия, помещики и офицерство расчухали в чем дело и при помощи европейского капитала начали с нами борьбу. В Европе мы имеем процесс, глубоко отличный от нашего, потому что буржуазия там гораздо организованнее и опытнее, потому что там мелкая буржуазия прошла через школу крупной буржуазии, следовательно, гораздо могущественнее и опытнее, и кроме того русская революция многому их научила, поэтому там подготовка и вооружение контр-революционных банд происходит сейчас параллельно с подготовкой и закалом коммунистической партии к этой борьбе и эта борьба будет гораздо напряженнее до их 25-го октября, *не после, а до*. Тот факт, что фабрики и заводы на другой день после завоевания власти оказались крепостями, цитаделями буржуазии, главной базой, на которую мог опереться европейский империализм, этот факт заставил нас перейти к национализации, независимо от того, способны ли мы и в какой мере способны по своим силам и средствам организовать эти предприятия.

... И если мы по политическим причинам выгоняли с заводов собственников, не имея возможности даже овладеть заводами сразу, если мы по политическим причинам, опустили меч диктатуры в террора на биржи и на банки, то само-собой разумеется, что мы механически разрушали тот аппарат, который обслуживал буржуазию и служил буржуазии для организации хозяйства и для распределения производительных сил и товаров в стране. Поскольку мы этот аппарат разрушили одним ударом, мы, вообще говоря, должны были его заменить другим аппаратом—централизованного учета и распределения, но такой аппарат нужно было создать, нужно было его иметь, мы его, разумеется, по всем предпосылкам, по всему прошлому, по уровню своему и познаниям не могли создать. И вот из могущественных и неотразимых сторон гражданской войны, как таковой, из невозможности даже для передового рабочего класса, а тем более для нас, для отсталой страны, в 24 часа создать аппарат социалистического учета и распределения—и возникла вся трагедия нашего хозяйства. И военный коммунизм был не программой,—он был нам навязан. Поскольку были фронты гражданской войны, поскольку мы были вынуждены разрушать опорную базу врага в тылу этих фронтов, т. е. частно-капиталистические предприятия всех категорий, постольку нам приходилось бивуачным путем, походным путем управлять предприятиями. Это была эпоха военного коммунизма, и не скрою что, как это всегда бывает, люди из нужды делали добродетель, т. е. поскольку военный коммунизм был нам навязан, постольку инерция работников партии, ее руководящие

учреждения склонны были увлекаться в том смысле, что здесь и есть полное разрешение задач социалистического хозяйства. Но если мы подведем итоги, то должны сказать, что наступление и отступление в области хозяйства, было продиктовано пересечением потребностей гражданской войны, абсолютно неотразимых потребностей, и хозяйственным состоянием и степенью нашей хозяйственной приспособленности или неприспособленности. Другими словами, в основе своей и наше наступление по линии военного коммунизма, и наше отступление по линии НЭП'а в общем и целом исторически были неизбежны и только на основе этой исторической неизбежности можно и должно анализировать наши уже субъективные ошибки как партии, так и власти.

Издержки революции.

Остается, товарищи, еще самый большой вопрос. Если в результате 5 лет рабочее государство, как мы сказали, владеет важнейшими средствами производства после нашего отступления и пользуется властью, то это есть факт, но остается еще и тот факт, что мы представляем собой сейчас одну из самых бедных стран Европы. Между тем совершенно очевидно, что социализм имеет смысл постольку, поскольку он должен обеспечить более высокую производительность труда. Капитализм сменил в свое время феодализм, а феодализм сменил рабское хозяйство. Почему? Потому что каждый последующий хозяйственный строй был в смысле общественно-техническом выгоднее того строя, который он отстранял, и социализм только в том случае, разумеется, получит свое практическое, а не теоретическое оправдание, когда на единицу рабочей силы он даст большее количество продуктов для удовлетворения общественных потребностей. И вот это и есть главный аргумент против нас, и это говорили и французские представители в Женеве и французский хозяйственный представитель Коляр повторял это в грубой и наглой форме: „вы, мол, не учите нас социализму, ибо ваша страна приведена в полное расстройство“. Мы предпочли бы за 5 лет дать доказательство эмпирического характера, т.е. показать Европе хозяйств более высокого, чем то, которое мы получили в 17 году. Этого нет, но это уже относится целиком за счет расходов самой революции. Ни одна из революций не совершалась без понижения хозяйственного уровня страны и один из почитаемых в III Французской республике буржуазно-консервативный историк французской революции Тэн констатирует, что через 8 лет после великой французской революции французский народ был беднее, чем накануне революции. Это факт. Общество так противоречиво, что оно может достигнуть более высокой ступени развития только

путем внутренней классовой борьбы. Общество так устроено, что внутренняя классовая борьба в развернутом виде гражданской войны означает понижение хозяйственного уровня, а вместе с тем, разумеется, сейчас каждый школьник знает, что именно великая французская революция, и только она, создала те государственные, правовые и культурные предпосылки, на основе которых только и мог развиться капитализм, со всем его могуществом, техникой и буржуазной культурой. Другими словами, я хочу сказать, что *пятилетний период* (и это мы должны сказать всем нашим критикам, и злостным и благожелательным, которые этот довод выдвигают), *не представляет собой исторического масштаба, при помощи которого можно оценивать хозяйственные результаты пролетарской революции.* Пока что, то, что мы видим в нашей стране, это—издержки производства революции, это расходы по самой революции. И, разумеется, так как эти расходы пришлось нести из капитала унаследованного, а этот унаследованный капитал был дезорганизован и разрушен империалистической войной, то мы видим в нашей стране гораздо больше обломков капитализма, чем социалистического строительства. *Мал масштаб.* Вот то, что мы еще раз должны повторить на 4-м конгрессе Коммуны Интернационала. Пять лет по отношению к задаче смены капитализма социализмом, задаче величайшего исторического размаха, пять лет, разумеется, не могут дать необходимого изменения, а главное, разумеется, эти пять лет были временем, когда социализм, и с этого я и начал, строился или делались попытки строить его в стране наиболее отсталой, тогда, как великая французская революция развернулась в стране самой передовой на европейском континенте и стоявшей выше всех остальных, кроме Англии, отделенной проливом. У нас же дело с самого начала приняло наименее благоприятный оборот.

Вот, товарищи, в грубых чертах те выводы, которые мы разовьем от имени нашей партии на 4-м конгрессе, где мы должны будем спросить наших европейских и американских товарищей и вместе с тем и самих себя—как же обстоит положение с шансами развития европейской революции, ибо совершенно очевидно, что темп нашего дальнейшего строительства будет в огромной степени зависеть от развития революции в Европе и Америке.

Европейский коммунизм должен завоевать рабочий класс.

Чтобы ответить на вопрос о том, какого этапа достигло сейчас революционное движение европейского и американского пролетариата, в первую голову европейского, нужно остановиться на III конгрессе Коминтерна, который происходил летом прошлого года. И тогда, по поручению москов-

ской организации, мне пришлось делать доклад перед московскими товарищами и оценить III конгресс, как новый этап, как открытие нового этапа в развитии революционного пролетарского движения, этапа, который тоже начался с известного и очень значительного отступления. И эти два отступления наши на хозяйственном поле и на политическом поле в Европе тесным образом связаны друг с другом, ибо наш военный коммунизм мог бы без отступления развернуться в полный социализм и коммунизм, при условии если бы пролетариат в Европе захватил власть в 20 и 21 году. Тогда не только прекратилось бы враждебное давление внешней страны, но мы получили бы неиссякаемые ресурсы технической, организационной и культурной помощи. Можно сказать, что военный коммунизм, который объективно был навязан нам в основе своей неотразимой потребностью гражданской войны, оправдывался в то же время субъективно постольку, поскольку был связан с надеждами на быстрый ход революции в Западной Европе, которая подхватит нас и двинет вперед более быстрым темпом, чем мы могли развиваться на собственных наших культурных, довольно жалких основах. Революция на западе задержалась, и в этом она себе отдавала отчет на III конгрессе в прошлом году, месяцев 15—16 тому назад. Отдавала себе отчет также и в том, каковы дальнейшие методы ее работы. Сигналом к рассмотрению международных задач коммунизма послужили мартовские события 21 года в Германии. Вы помните, из чего они состояли: призывы ко всеобщей стачке, жертвы со стороны рабочих, жестокий разгром коммунистической партии внутри, разногласия одних и полное предательство других. Но Коминтерн твердо сказал: мартовская политика коммунистической партии в Германии была ошибкой. Почему? Потому, что германская партия считала, что перед нею непосредственно стоит задача завоевания власти. Оказалось, что перед нею стоит задача *завоевания рабочего класса, а не власти*. Откуда выросла эта психология германской коммунистической партии в двадцать первом году, которая толкнула ее на мартовские действия? Она выросла из той обстановки, из тех настроений, которые сложились в Европе после войны. Вы помните 19-й год, когда все здание европейского империализма потрясилось массовой, величайшей в истории борьбой пролетариата и когда мы со дня на день ждали провозглашения советской республики в Германии, Франции, Англии, Италии? Слово „советы“ стало страшно популярным, везде организовывались эти советы. Буржуазия была растеряна до последней степени. 19-й год был самым критическим годом в истории европейской буржуазии. В 20 году волнения (можно теперь задним числом констатировать) в значительной степени ослабели,

но были еще чрезвычайно бурными, настолько, что можно было поддерживать надежду на быструю, через несколько недель или месяцев ликвидацию буржуазного господства. Каковы были предпосылки для пролетарской революции? Производственные силы вполне подготовлены, классовые отношения тоже, объективная, социальная роль пролетариата сделала его вполне пригодным для овладения властью и руководства. Чего не хватало? Политической предпосылки, субъективной предпосылки, т. е. понимания пролетариатом обстановки. Не хватало *организации*, возглавляющей пролетариат, которая могла бы эту обстановку использовать уже для прямой организационной технической подготовки восстания, переворота, захвата власти и т. д. Вот чего не хватало. Это с трагической ясностью обнаружилось в сентябре двадцатого года в Италии. Итальянские рабочие, как рабочие страны, пострадавшей от войны особенно жестоко и как пролетариат молодой, который не имеет преимуществ старого пролетариата, но и не имеет его отрицательных черт—консервативности, старых традиций и проч.—у этого пролетариата идеи и методы русской революции нашли наиболее мощный отклик. Но социалистическая партия Италии не давала себе отчета во всем содержании этих понятий, этих лозунгов. В сентябре 20 г. рабочий класс Италии фактически овладел государством, обществом, фабриками, заводами и предприятиями. Не хватало чего? Не хватало немногого, не хватало партии, которая, опираясь на вставший рабочий класс, вступила бы в открытую борьбу с тем, что осталось еще у буржуазии в виде материальных сил, разрушила бы эти силы, овладела бы властью и завершила бы таким образом победу рабочего класса. Рабочий класс уже по существу победил или почти победил, но не было организации, которая эту победу могла бы закрепить и оформить, и он оказался отброшенным назад. Партия разбилась на части, пролетариат оказался разбитым и мы после того в течение всего 21 го—22 г. являемся свидетелями ужасящего политического отступления рабочего класса Италии под ударами сплотившейся буржуазной и мелко-буржуазной банды, известной под именем фашистов.

Фашизм есть реванш, возмездие буржуазии за тот страх, который она пережила в сентябрьские дни 1920 года, и вместе с тем это есть трагический урок итальянскому пролетариату, урок на тему о том, что означает политическая партия централизованная, объединенная, знающая чего хочет, осторожная в выборе условий и решительно беспощадная в использовании средств, когда пробил надлежащий час. Сравнивая события такого рода, как сентябрьские дни в Италии, с нашими, мы должны, и можем снова и снова учиться ценить нашу партию, которая работает в условиях

несравненно более трудных, ибо работает в условиях отсталой, мало культурной среды с преобладанием крестьянства. Мартовские события в Германии в 1921 г. представляли собою картину противоположную тому, что было в Италии. Немецкий рабочий класс в 1919 г. давал ряд жестких кровавых боев, в 1920 году точно также, и он в январские и мартовские дни 1920 г. убедился, что одного героизма, готовности погибать, умирать недостаточно, что ему чего то нехватает. И он начинает относиться к событиям, к фактам более выжидательно. Он ожидал в свое время от старой социал-демократии, что она обеспечит ему социалистический переворот. Она—увлекла его в войну. Нагрянула революция ноября 1918 года, когда старая соц. демократия начала говорить на языке соц. революции, провозгласила даже, как вы помните, немецкую республику социалистической. Пролетариат брал это всерьез, шел вперед. Сталкивался с бандами буржуазии, был разбит, раз, другой и третий. Это не значит, разумеется, что его ненависть к буржуазии или готовность бороться ослабела, но у него прибавились в мозгу складки осторожности, выжидания. Он уже хочет для новых боев иметь гарантию победы. И это настроение в европейском рабочем классе стало все более крепнуть в 1920—21 г. после опыта первого натиска, первых полупобед, или маленьких завоеваний и крупнейших поражений. К тому моменту, к тому периоду, когда европейский рабочий класс после войны начинает ясно понимать, или по крайней мере чувствовать, что дело завоевания государственной власти есть очень сложное дело, и что голыми руками буржуазию не возьмешь, к этому моменту его наиболее активная часть слагается в коммунистическую партию. Но эта компартия еще чувствует себя, как выпущенное из душки ядро. Она появилась, и ей кажется, что когда она кликнет клич—бросятся вперед, — рабочий класс рванется за ней. Оказалось не так. Оказалось, что рабочий класс, потерпевший ряд разочарований в своих примитивных революционных иллюзиях к тому времени, когда коммунистическая партия сложилась в 1920 г. и в особенности в 1921 г. и когда она бросилась вперед, занял выжидательное положение. Он к этой партии не привык, он ее на деле не видал. Так как его в прошлом обманывали не раз, то у него есть все основания требовать от партии, чтобы она завоевала его доверие или, иначе сказать, у партии есть обязанность еще доказать рабочему классу, что он должен и имеет право следовать за ней в огонь, когда она его зовет. Мартовские дни 1921 г. в Германии показали нам коммунистическую партию, преданную, революционную, готовую к борьбе, которая бросается вперед, но за которой не следует рабочий класс. Последовала может быть $\frac{1}{4}$ часть или $\frac{1}{2}$ часть германского

пролетариата. От революционного нетерпения эта часть, наиболее революционная, столкнулась с остальными $\frac{1}{3}$, и стремилась, так сказать, уже почти механически, кое-где, силой увлечь их на борьбу, о чем, разумеется, не может быть и речи, и партия рисковала разбиться о сопротивление не столько еще самой буржуазии, сколько $\frac{1}{3}$ или $\frac{2}{3}$ самого же рабочего класса. Но в этот момент Интернационал дал сигнал тревоги и провозгласил новый этап. В период 1919 и 1920 года, период стихийного революционного движения, когда действительно можно было бы завоевать власть, если бы на лицо была хоть небольшая коммунистическая партия в Германии, этап в сотню или в две сотни коммунистов, шансы на завоевание власти были. Но после разочарований рабочего класса, после того, как буржуазия успела опомниться, окрепнуть и восстановить государственный аппарат, а рабочий класс занял более осторожную и выжидательную позицию, уже недостаточно было появления ста или двухсот коммунистов, а нужно было, чтобы они на опыте, на практике в борьбе завоевали доверие рабочего класса на новых условиях. И вот это провозгласил III конгресс. У нас были по этому поводу горячие стычки с немецкими товарищами, здесь в Москве. Потом, на своем конгрессе после международного, они, фактически переходя на новые рельсы, этап немножко критиковали нас, доказывая, что если и начинается новый этап, то не совсем так, как этого хотели бы русские товарищи, которые слишком забывают вправо и т. д. и т. д. По существу когда мы себя спросим — с чего начался этот новый этап? с мартовских событий в Германии? — нет, он начался с критики мартовских событий. Мартовские события были завершением первой эпохи хаотического натиска, который не дал победы, потому, что не было коммунистической партии в Европе. И мартовское движение и мартовская политика были уже выкидышем этой эпохи. И вот с критики мартовской политики коммунистической партии и начинается эпоха в развитии Коминтерна; эпоха, которая на первый взгляд заключает в себе много, так сказать, прозаического: агитацию, пропаганду, организацию, завоевание доверия рабочих в повседневной борьбе. Некоторые товарищи говорили нам: а где же гарантия, что эта организационно-агитационно-воспитательная работа не выродится в тот же реформизм, по пути которого пошел 2 Интернационал? Гарантий, данных нам извне, нет. Гарантии являются в нашей работе, в критике, в самокритике и контроле. Но есть и объективные гарантии — более серьезные. Они заключаются в *положении самого капитализма и в наличии одной страны с рабочим правительством.*

Положение международного капитализма.

Положение самого капитализма, это тоже вопрос, о котором мы подробно говорили на III Конгрессе и будем, вероятно, говорить и на 4-ом, при обсуждении вопросов тактики. Вопрос сводится к тому, распадается ли европейский и мировой капитализм или же он обнаружил свою жизнеспособность? Восстанавливает ли он свое равновесие? Вопрос вообще очень большой и я его коснусь только в самых общих чертах, безусловно необходимых для понимания судеб революционного движения в Европе и во всем мире. В 20 году мировое хозяйство переживало ужасающий кризис, кризис, какого не знала история капитализма. Кризис этот начался весной 20 года в Японии и Америке, потом перебрался сразу в Европу, к середине 20 года овладел всей Европой, к первой половине 21 года достиг невероятной глубины и остроты. Третий конгресс собрался именно в момент, когда кризис охватил весь мир, когда в Америке было 5—6 миллионов безработных, в Англии около 2 миллионов и т. д. Промышленность, обороты пали по сравнению с 13 годом на разное, но огромное в общем число % в разных странах. И вот у многих товарищей было такое представление. Вот кризис капитализма в результате войны. И это есть последний фатальный кризис, который будет разлагать хозяйство все больше и больше и в результате этого кризиса и вырастает пролетарская революция, гражданская война и завоевание власти. Отсюда, из такой психологии и выросла тактика мартовских дней в Германии. Рассматривали этот кризис 20 года, как последний, решающий фатальный кризис капитализма. По этому вопросу у нас была идейная борьба не только с европейскими товарищами, но немного и в наших собственных рядах. Когда я заикнулся на счет того, что этот кризис, как и всякий кризис, должен будет смениться оживлением, то я помню, как некоторое количество товарищей, и в первую голову Н. И. Бухарин и товарищ Сокольников, чрезвычайно ополчились на меня. А сейчас, товарищи, Коминтерн издает в качестве официального документа для 4-го конгресса экономический доклад товарища Варга, который весь построен на том, что перелом конъюнктуры произошел во второй половине 21 г., а кончился в первой половине 22 года. Да и как иначе? Те товарищи, которые отрицали неизбежность экономического оживления, исходили из чисто экономического воззрения на распад капитализма. Тут я должен напомнить в самых общих чертах 2—3 теоретических истины, необходимые нам для понимания создавшейся обстановки.

Производительные силы капитализма развиваются, так сказать, от его младенческих дней и до мировой войны. Линии развития являются расходящимися под известным

углом, производительные силы растут, поднимаются все выше и выше, и мы учили у Маркса, в его „Капитале, (факт этот был известен буржуазным экономистам, но Марксом был объяснен), что развитие капитализма совершается не прямолинейно и не равномерно, а в колебаниях, кризисах и оживлениях со всеми переходными ступенями. Каждые 8—9—10 лет капитализм мировой и национальный вместе с ним проходят через стадии под'ема, заминки, депрессий, кризиса, приостановки кризиса, оживления, под'ема и т. д. Таким образом, эта линия восхождения капитализма и производительных сил его представляет собою не прямую линию, а волнистую, и такая волна охватывает примерно 9 лет, в среднем, за последние 150 лет. Что это значит? Раньше под'ем, затем кризис. Мы говорим, что кризис уничтожает избыточные производительные силы, а под'ем возрождает производительные силы, увеличивает. А результат какой? А результат, скажем, за сто пятьдесят лет капитализма такой, что все страны стали богаче. Что это значит? Это значит, что в общем под'ем производительных сил больше кризиса, т. е., что под'емы в сумме дали тот избыток, который кризисами не был разрушен. Иначе капитализм не развивался бы. Но одинаковый ли под'ем следует за кризисом в каждое данное время? Нет. Кривая развития капитализма представляет не однообразно восходящую линию, а восходит таким образом: сперва она почти горизонтальна—это производительные силы почти не растут, скажем, лет 50, если возьмем время до 1849 года. Потом с 1849 года она начинает быстро расти вверх, до начала 70-х годов. С 73 го года до 95—96 годов—задержка—производительные силы развиваются очень медленно.

Затем с 96 до 913 года линия идет бешено вверх, почти до самой последней войны. Мало того, линия эта все время колеблется, как струна,—это волны десятилетий. Когда капитализм развивается на одном уровне, т. е. остается почти неизменным, это значит, что под'ем приблизительно уравновешивается кризисами. Когда капитализм развивается бурно вверх, производительные силы растут, нация богатеет, это значит, что под'емы чрезвычайно перевешивают кризисы, под'емы бывают более длительными, кризисы—более переходящими, временными заминками. В эпоху упадка капитализма, производительные силы разлагаются, как это в общем и целом произошло в эпоху, которая началась после войны и тянется до сегодняшнего дня и будет тянуться еще долгое время.

Это значит, что в эпоху упадка кризисы работают более жестоко, чем под'емы, кризисы перевешивают под'емы. Может ли капитализм развиваться без циклических колебаний, без перехода от под'ема к кризису? Нет. Так же как чело-

1063134
 12/99
 СВ
 12/99
 СВ
 1063134
 СВ
 12/99
 СВ

веческий организм, (я повторял это десятки раз), дышит, пока не умирает, так и капитализм, находится ли он в детском возрасте, в зрелом или умирает, его сердцебиение продолжается, но это сердцебиение не одинаково. Если человек умирает, то сердце бьется у него совершенно иначе, чем у здорового, и по этому можно определить, как по пульсу, его состояние. Так же можно определить, поднимается ли капитализм, держится ли на одном уровне или распадается. В 20 г. или, еще раньше, в 13 году наступил несомненный перелом. Я уже сказал, что в течение 17—18 лет от 96 до 13 года капитализм дал невероятный скачок вверх и он уперся в борьбу капиталистических стран на мировом рынке, ему стало тесно в националистических государствах, и отсюда выросла империалистическая война 1914 г. Правительства, дипломатия, буржуазия, военные сферы стали там более неравными и ускорили конфликт кровавым событием в 14 г., потому что с 13 г. была заминка на мировом рынке. Эта заминка означала глубокий перелом, и если бы не было войны, то в 1914 г. все равно был бы капиталистический застой, развитие капитализма спустилось бы вниз, продолжая колебаться. Империалистическая война явилась результатом бешеного развития капиталистических сил в течение знаменательных в истории капитализма 17 лет. Война создавала искусственный рынок и как бы смела кризис. Она подготовила фундамент для использования предметов истребления, открыла способ разворения всех наций. После войны, в 19 г., в самый опасный период, буржуазия продолжала политику войны. Она вытескала, не считая, бумажные деньги, продолжала систему государственных долгов. Она прибавляла к заработной плате рабочего, то дешевые квартиры, то различные льготы, она согласилась на 8-часовой рабочий день. Все это вытекало не из положения капитализма, а из политического положения буржуазии, как класса. И эта хозяйственная стратегия буржуазии в 19 г. спасла ее, ибо подкупила рабочую аристократию и расколола пролетариат на рабочую демократию и аристократию. Она затащила искусственно подъем на 19 г., разрушила свои государственные финансы и основы хозяйства, но парализовала революцию. Однако, законы хозяйственного развития, которые могли только временно задержаться, сказались и в 20 г. Начался кризис, принявший чудовищные формы с миллионами безработных в Европе и Америке. И некоторым товарищам казалось, что этот кризис, начавшийся в 20 г., и есть последний кризис капитализма. И на основе этого кризиса рабочий класс путем восстановления должен прийти к власти. Из этого вытекали и мартовские события в Германии. Против этого взгляда мы боролись. Было известно, что после этого кризиса придет ожиление и была величайшая опасность в том, что коммуни-

сты, столкнувшись лбом с этим оживлением, могли бы сказать, что почва для революции исчерпана, потому что оживление начинается, капитализм восстанавливает свое равновесие. Против такого механического воззрения мы боролись и, я надеюсь, что нам больше не придется бороться на 4-м конгрессе. Если нам скажут: „а где же гарантии (опять возвращаются к требованию представить гарантии),—где гарантии, что капитализм не восстановит своего равновесия путем колебаний?“ то я скажу: „Гарантий нет и они не могут быть“. Если мы вычеркнем революционную природу рабочего класса, его борьбу, работу коммунистической партии, проф. союзов, т.-е. то, во имя чего мы существуем и действуем, а возьмем объективную механику капитализма, то мы скажем: разумеется, без вмешательства рабочего класса, без его борьбы, сопротивления, самообороны, наступлений, капитализм свое равновесие восстановит, не старое, а новое равновесие, господство англо-саксонского мира, когда все хозяйство перейдет к этим странам и установится временный союз между С. Штатами Америки и Великобританией, а через некоторое время это равновесие опять нарушится. Автоматические силы капитализма, вытекающие из его природы, работают в этом направлении там, где имеются избыточные силы. Возьмите арену средней Европы—Чехо-Словакию,—она сохранила свою промышленность почти неразрушенной. В старой Австро-Венгрии эта промышленность работала на 60 милл. душ, теперь она работает на Чехо-Словакию, на 8 милл. чехо-словаков и 3 милл. немцев. Во всяком случае эта оборудованная промышленность осталась на большое количество людей—на дюжину миллионов и эта главная часть промышленности Австро-Венгрии осталась почти неприкосновенной. И вот Чехо-Словакия, именно потому, что она сохранила старое оборудование промышленности, не выходит из состояния кризиса. Это значит, что происходит разрушение избыточных производственных сил. Когда кризис в Чехо-Словакии прекратится? Когда она подравняет свою промышленность по рынку, по покупателю, если не будет рынка в соседних странах.

Стало быть восстановление равновесия не всегда есть рост, а иногда и упадок, и тем или другим способом восстанавливается равновесие, нарушенное стихийным ростом силы капитализма и дополнительно нарушенное военными событиями и событиями политического характера, так что через 10—15 лет какое-то новое политическое равновесие создастся на костях сотен тысяч и миллионов рабочих и работниц при том условии, *если эти рабочие и работницы будут терпеливо сносить стихийную работу капитализма.* Другими словами, для того, чтобы чехо-словацкий капитал завоевал внешний рынок, ему нужно платить рабочим как можно меньше, а если рабочие это потерпят, то чехо-сло-

вацкий капитал в тех или иных границах свое равновесие восстановит; если же рабочие будут сопротивляться, то тем самым будут нарушать работу капитализма по восстановлению равновесия хозяйства. Другими словами, тут есть действие и противодействие, диалектика исторических сил, а результат определится соотношением этих борющихся исторических сил.

И вот наша точка зрения была та, что нам не нужно бояться экономического оживления, пугаться его, как конца революционной эпохи. Мы говорили, что если мы не успеем сделать революцию до нового экономического оживления, — не до какого-нибудь расцвета капитализма, об этом, конечно, не может быть и речи, — но до нового колебания кон'юнктуры в рамках этого малого 10-тилетнего цикла, если мы не успеем совершить в Европе пролетарскую революцию, то промышленное оживление будет не ударом назад, а толчком вперед. — Почему? Мы доказываем, что после первых поражений, которые рабочий класс пережил (и самая война есть величайшее поражение), и потом в 18—20—21 году при огромном резерве армии безработных — у него неизбежно должно наступать в настроении апатия, усталость, и наоборот, экономическое оживление, даже небольшое, такое, что когда фабриканты к 1.000 рабочим должны взять одного из резервной армии, уже дает себя чувствовать, так как та тысяча, которая до этого была на фабрике, чувствует себя тверже и уже начинает напирать. Маленькое изменение кон'юнктуры изменяет обстановку. Разумеется, это не делается так механически. В Европе мы наблюдаем на первых порах явление как бы противоположное, но оно целиком укладывается в эти исторические рамки. В самом деле, в Европе мы сейчас наблюдаем все продолжающийся натиск капитала. В Америке он уже слабеет и даже сменяется уступками. В европейской промышленности оживление имеет очень слабый характер. В Англии, Франции, Италии его почти незаметно или вовсе незаметно. Германия же переживает, благодаря особенностям своего хозяйства и международного положения — явление рынка со знаком минус. Когда во всем мире господствовал буржуазный кризис — в Германии наблюдалось лихорадочное оживление, которое означало только другую форму разорения страны. Германия распродалась по дешевой цене. Германия вынуждалась выбрасывать свои товары на иностранный рынок с убытком для национального достоинства, хотя и с прибылью для верхушек капитализма. Этот вопрос может быть хозяйственно-экономически легко объясним. Я останавливаться на нем не буду. Теперь наоборот, когда оживление охватывает другие страны: Японию, Англию, Францию, Германия стоит перед опасностью возрастания безработицы по причинам, которые могут быть прекрасно объяснены. В 19, 20, 21 году.

но особенно в 20, когда кризис имел ужасающий характер и опасность со стороны пролетарской революции была еще очень велика, буржуазия остерегалась наступать на рабочих по политическим мотивам, а по хозяйственным мотивам положение было такое отчаянное, что уменьшение заработной платы на 10—15—20%, мало изменяло по существу состояние рынка. Когда же стала наблюдаться большая устойчивость и появились первые симптомы перелома конъюнктуры, когда кризис уже перестал развиваться, буржуазия стала сразу переходить в наступление. Для конкуренции на мировом рынке вопрос о 5—20%, играет огромную роль. И тем самым она толкала рабочих к отпору. И вот первое действие некоторого слабого улучшения экономической конъюнктуры выразилось в наступлении, в усугублении натиска капитала на рабочих, но вместе с тем возрастал и отпор рабочих, т. е. происходило обострение, расширение, углубление классовой борьбы. В Америке капитал забегает вперед по пути уступок, и этим он нам предугадывает путь дальнейшего развития движения, т. е. *не оборона рабочих, а наступление на основах этой изменившейся конъюнктуры*. Но, товарищи, в каких же отношениях эта изменившаяся обстановка стоит с революцией? Значит ли это, что пролетарят завладеет государственной властью на основе этой улучшившейся конъюнктуры? Предсказать это—было бы совершенно неправильно.

Это возможно, но это ничем не обеспечено, кроме соотношения сил, которые изменятся, потому что эти живые силы находятся в борьбе, растут, группируются, перегруппировываются, вливаются и т. д. Вполне возможно, что промышленное оживление задержится на 1—2 года,—очень жалкое оживление, которое не отвечает общему упадку хозяйства, которое происходит при отсутствии равновесия, при хаосе валюты, высоких таможенных и тарифных ставках, которые окружают все государства, даже Соед. Штаты, при дипломатической неустойчивости милитаризма, — всему этому отвечает, конечно, упадочное состояние капитала, — и отсюда жалкий характер оживления, но жалкое оживление отличается от глубочайшего кризиса и влияет на организацию и борьбу рабочего класса. Толчок этим оживлением уже дан. Это толчок массового движения—и особенно это видно во Франции. Мы здесь имели почти полный застой, а сейчас одна стачка за другой начинают принимать упорный характер.

Предстоящая тактика компартий.

Приведет ли этот толчок к захвату власти — мы не знаем. Это будет зависеть от бесчисленного количества причин и в первую голову, разумеется, поскольку вопрос стоит политически, будет зависеть от тактики будущей политической

партии. Вот к этой будущей политической партии, опять таки в самых кратких чертах, нам сейчас и нужно перейти. На 3-ем конгрессе в центре внимания стояла германская партия с ее мартовской политикой, которая заставила Интернационал пересмотреть все обстоятельства и дать новые лозунги, установить новые веки и заявить, что задача европейских коммунистов состоит не в том, чтобы сегодня или завтра завоевать власть, а чтобы завоевать большинство рабочего класса и тем создать политическую предпосылку для завоевания власти. Германская партия этот урок усвоила очень хорошо. Отсюда выросла тактика единого фронта. Что значит — „отсюда выросла?“ Очень просто. Если считать, что партия находится накануне завоевания власти и что рабочий класс за нею пойдет, тогда вопроса о единстве фронта не существует. Но если дело обстоит так, что коммунистическая партия призывает к всеобщей стачке, как было в марте 21 г. в Германии, и за нею следует одна пятая или одна шестая всего рабочего класса, а остальные четыре пятых остаются пассивными, а частью глубоко враждебными, и если мы убеждаемся, что до завоевания власти должен пройти известный период, может быть, несколько лет... (я помню, когда на 3-ем Съезде т. Ленин сказал: „т-щи, конечно, наше положение плохо, но если вам понадобится год или два, мы подождем“, и тогда казались немецким т-щам и некоторой части итальянских т-щей, что это почти что предательство пролетарской революции. Между тем с того времени прошло почти 2 года и нам придется дасть еще один мораториум, еще 2 года, во всяком случае до ближайшего конгресса), если дело ставится так, что подготовительные работы к завоеванию власти должны отнять года 2—3, то надо подумать о том, как через этот период пройдет рабочий класс, у которого есть свои очередные задачи: борьба против наступающего капитала, натиск реакции и проч. А рабочий класс расколот. Конечно, было бы прекрасно, если бы он пошел сразу за коммунистами, но этого нет и в текущей борьбе наблюдается раскол рабочих организаций и старые организации вину за этот раскол возлагают на коммунистов. Отсюда раскол коммунистической партии и коммунисты говорят, что мы готовы к завоеванию власти, но поскольку вы независимые, беспартийные, поскольку вы ставите себе те или другие задачи, мы готовы с вами выступить единым фронтом борьбы против буржуазии. В Германии эта тактика была принята после мартовских событий коммунистической партией целиком и применялась с успехом. Но историческая диалектика иной раз поворачивает наши лозунги против нас самих. Несомненно, что лозунг „единый фронт“, брошенный Коминтерном в Германии, приобрел величайшую популярность у германских рабочих. К чему он привел? Он сразу привел к объединению

шейдемановцев с независимцами против нас, и вы наблюдаете в Германии картину, когда объединенные социал-демократы поддерживали правительство против бешеного натиска коммунистов, которые превращаются в почти нелегальную партию. Происходят уличные столкновения, нападения, где монархическая контр-революция действует единым фронтом против коммунистического меньшинства пролетариата. И некоторые французские коммунисты, как Даниэль Рену, в этом видят довод против единого фронта, указывая, будто мы помогли объединиться шейдемановцам и независимым. Не нужно себя обманывать, — на первых порах объединение означает для них приток материальных сил, — но если взять его с точки зрения более длительного периода, то это для нас колоссальный политический выигрыш, ибо промежуточное образование, в виде независимой партии у двух с половиною интернационала, которое служило буфером между рабочими коммунистами и социал-демократами, спутало отношения и направило мысль некоторой части рабочих по псевдо-оппозиционному руслу. Когда с одной стороны мы имеем только демократию, связанную с буржуазным государством, а с другой стороны в оппозиции остаются только коммунисты, то притягательная сила коммунистической партии должна чрезвычайно возрасти и мы несомненно будем в ближайший период, после того, как рабочий класс будет хотя бы вчерне учтен посредством объединения социал-демократов и независимцев, мы будем свидетелями роста идеального влияния германской коммунистической партии. Во Франции мы политически, несомненно, отстаем от Германии. Я говорю о самой коммунистической партии, Это выразилось в том, что французская коммунистическая партия, передовая часть рабочего класса, почти на-днях, в прошлом месяце повторила, хотя и в меньшем масштабе, мартовские ошибки германской компартии.

Вообще, товарищи, Интернационал прекрасная вещь. И обучение одной партии другой партией тоже вещь незаменимая, но в общем надо сказать, что каждый рабочий класс имеет тенденцию на своем собственном горбу проделать все ошибки. Интернационал может только оказать содействие в том смысле, чтобы на этом самом горбу осталось несколько меньше рубцов, но без рубцов дело обойтись не может. Это мы наблюдали почти на-днях во Франции. В портовом гор. Гавре происходила стачка местного значения в 15 тысяч рабочих, но она привлекла внимание рабочего класса всей страны своим упорством, выдержкой и дисциплиной. Эта стачка вызвала довольно крупные сборы в пользу стачечников через центральный орган нашей партии „Юманите“, агитационные поездки и проч. Французское правительство через своего префекта довело стачку (очень может быть, что при некотором содействии анархических элементов фран-

цузского рабочего класса, которые сплошь и рядом оказывают, не желая того, содействие реакции), до кровавого конфликта, в котором было убито 3 рабочих, — факт, который, конечно, должен был произвести большое впечатление на французский рабочий класс. Вы помните, что мартовские события в 1921 году в Германии тоже начались с того, что в центральной Германии полицеймейстер, соц.-демократ, послал военно-полицейские банды для разгрома стачечников. Этот факт лег в основу призыва нашей партии ко всеобщей стачке. Здесь мы наблюдаем аналогичный ход событий: упорная стачка, заинтересовывающая весь рабочий класс, кровавые столкновения, трое убитых. И вот, если, скажем, убийство произошло в пятницу, то в субботу уже собирается Конференция Труда, так называемых унитарных, т.-е. революционных профсоюзов, которая находится в тесных отношениях с коммунистической партией, и постановляет на завтра призвать рабочий класс к всеобщей забастовке. Но никакой всеобщей стачки не вышло. Если в Германии в марте во всеобщей стачке (так называемой) участвовала $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$ часть рабочего класса, то во Франции, во всеобщей стачке участвовала еще более мелкая дробь французского пролетариата. И если по французской печати проследить, как это дело было сделано, то, впрочем, придется десять раз почесать в затылке, констатируя как молодцы и неопытны коммунистические партии Западной Европы. Французских коммунистов Коминтерн обвинял в пассивности. Это верно. И германскую коммунистическую партию обвиняли до марта в пассивности, требовали активности, инициативы, агитационного наступления, вмешательства в повседневную борьбу рабочего класса. Она же попыталась в марте свою вчерашнюю пассивность возместить героическим актом всеобщей стачки и почти что восстанием. В меньшем масштабе это на днях повторилось во Франции. Чтобы выйти из пассивности, они провозгласили всеобщую стачку рабочему классу, который в обстановке начинающегося оживления и улучшения конъюнктуры только что выходит из пассивности. Чем они мотивировали это? Тем, что в центральном комитете партии или в Конфедерации труда весть об убийстве трех рабочих произвела потрясающее впечатление. Как не произвести? Конечно, произвела! И вот бросается лозунг: всеобщая стачка. Если бы коммунистическая партия была так сильна, что ей это было бы достаточно бросить лозунг о всеобщей стачке, было бы прекрасное дело. Но всеобщая стачка есть основная действенная часть самой пролетарской революции. Из всеобщей стачки вырастают столкновения с войсками, встает вопрос, кто хозяин в стране, кто владеет армией — буржуазия или пролетариат. Можно говорить о демонстративной всеобщей стачке, но это вопрос очень большой важности. Когда по

телефону получаешь сведения, что в Гавре убили троих рабочих, и знаешь, что во Франции нет революции, а есть застойное положение; что рабочий класс только понемножку выбивается из состояния пассивности, порожденной событиями войны и после войны, — в такой обстановке бросить лозунг всеобщей стачки — это значит совершить величайшую и грубейшую ошибку, которая может только подорвать надолго, на месяцы доверие рабочих масс к той партии, которая так поступает. Правда, здесь виновата непосредственно не партия, лозунг был брошен так называемыми унитарными, т.-е. революционными профсоюзами. На самом деле, что должна была сделать партия, что должны были сделать профсоюзы? Они должны были мобилизовать всех пригодных для этого партийных и профессиональных работников, двинуть их по всей стране, чтобы рассказать об этом факте, первым делом надо рассказать как следует быть. Есть у нас газета „Юманитэ“, центральный орган. Имеет около 200 тысяч тиража, — большой тираж. Но во Франции как ни как 40 миллионов населения. В провинции распространенных ежедневных газет почти что нет. Стало быть задача была — рассказать рабочим, агитационно рассказать, захватить этим рассказом. Второе — надо было обратиться к социалистической партии, к партии Лонге, Реноделя, с вопросом, — более благодарного повода быть не может: — в Гавре убили троих рабочих стачечников; мы полагаем, что этого нельзя оставить безнаказанным. Мы готовы идти на самые решительные средства. Мы спрашиваем вас, что вы предлагаете. Уже самая постановка вопроса привлекала бы большее внимание. Надо было бы обратиться к реформист. профсоюзам Жюо, которые еще ближе стоят к стачечникам. Жюо изобразил сочувствие этой стачке и помогал ей средствами. Ему надо было поставить вопрос: „вы, реформистские профсоюзы, что вы предлагаете? Мы, коммунистическая партия, предлагаем назавтра, не всеобщую стачку, а совещание коммунистической партии, социалистической партии унитарных революционных профсоюзов, реформист. профсоюзов, для обсуждения того, как надо ответить на это выступление капитала“. Надо было захватить за душу самые широкие рабочие массы, которые не слушали нас до вчерашнего дня и шли с Жюо, Реноделем и т. д. Надо было раскачивать рабочие массы. Может быть, из этого вышла бы всеобщая стачка, я не знаю, демонстративная или нет. Во всяком случае, мало было провозгласить, прокричать, что я возмущен, услышав по телефону, что убили трех рабочих, а нужно было захватить за душу рабочие массы. После такой работы, может быть, не весь рабочий класс вышел бы на демонстративную скачку, но мы, конечно, захватили бы очень значительную его часть. Ошибка. Повторяю, — в уменьшенном размере, в комнатном масштабе — мартовские собы-

тия. Только тут не было того натиска, размаха, новых кровавых столкновений, а просто была неудача, фиаско всеобщей стачки, и тем самым — минус в партийном билете коммунистической партии, не плюс, а минус. Это совершенно очевидно связано, это, товарищи, в значительной мере с тем, что наша французская коммунистическая партия отстала вообще в своем внутреннем существе. Она на конгрессе в Туре в 20 году присоединилась к Коминтерну, но наследие старой социалистической партии, длительная парламентарная культура, французские республиканские условия, традиции Великой Французской революции, — всего этого не стряхнешь. Я не буду, товарищи, излагать тех сложных взаимоотношений, которые были за это время между Коминтерном и Французской коммунистической партией, и которые имели своей задачей — уменьшить число рубцов на спине передовой части французских рабочих. И в результате этих сношений, воздействий, вызова сюда и опыта там на месте — во французской коммунистической партии сложилось пять группировок. Эти группировки сейчас заседают в Париже на происходящем сейчас конгрессе французской коммунистической партии. Результатов мы еще не знаем, но для того, чтобы охарактеризовать существо, которого мы хотели бы добиться, нужно сказать несколько слов о самих группировках. Левая группировка — это не элементы, которые во время войны стояли на революционной точке зрения и которые сыграли крупную роль в присоединении французской партии к Коминтерну. Затем центр, который охватывает, пожалуй, большинство рабочих, потому что они не получили еще полного коммунистического воспитания и вошли в Коминтерн вместе со своими старыми вождями — местными и центральными. Затем есть правое крыло — это прямые враги Коминтерна. Их руководитель — Верфейль, исключенный из партии Сенской федерацией и Коминтерном.

Есть еще крайнее левое крыло, которое представляет собою смесь анархических предрассудков с реформистскими предрассудками у двух — трех членов, а в части рабочих есть простое революционное негерпение. Это прекрасные элементы, которые нуждаются в воспитании. Задача состоит в том, чтобы заставить центр порвать с правой, объединиться с левыми на основании программ и тактики революционного коммунизма и создать, центральный комитет, способный и готовый в этом духе управлять партией при чем, обеспечить в этом центральном комитете большинство рабочих, связанных с массовым профессиональным движением — то, чего во Франции не было никогда. Там область профдвижения — это одно, область высокой политики — другое и, когда Коминтерн потребовал, чтобы эти две области были тесно соединены, то коммунист Эрнест Лафон, адвокат и депутат, член

партии, заявил: „Это требование нелепое. Мы, адвокаты, что мы можем сказать рабочим в области проф. движения?“. Но если вы, адвокаты, ничего не можете сказать рабочим в области проф. движения, то надо сказать, что вы вообще ошиблись адресом. Для адвокатуры есть другие учреждения, вне Коминтерна. Если вы здесь, значит вы решаете вопросы рабочего движения, а рабочее движение без проф. союзов не есть рабочее движение. Нам это кажется столь азбучным, что совместно это повторять на рабочем собрании, тем более на партийном. Там же приходится бороться с предрассудками, оставшимися от старой демократической культуры. На 4-м конгрессе мы будем иметь французскую партию в виде еще борющихся партий, приблизительно то же, что мы имели на III конгрессе в лице германской коммунистической партии. Тогда, в прошлом году, Коминтерн сыграл крупную роль, поскольку ускорил восстановление единства партии и тем оказал величайшую услугу ее дееспособности. Я полагаю, что с запозданием примерно на пять четвертей французская коммунистическая партия предлагает то, что проделала в марте германская коммунистическая партия.

В Италии дело стоит еще острее. После сентябрьских событий 20 года от старой социалистической партии откололось коммунистическое крыло, приблизительно одна третья часть старой социалистической партии, а старая социалистическая партия в составе тогдашнего центра и правового крыла продолжала существование. Под натиском буржуазии, которая передала исполнительную власть в руки фашистских банд, реформисты переходили все более и более направо и стремились войти в правительство, исполнительным органом которого были и остаются фашистские банды. Это привело к расколу социалистической партии между правым крылом и между так называемой группой Сератти. При чем партия Сератти заявила на своем конгрессе о присоединении к Коминтерну. Мы будем иметь на конгрессе две партии: нашу итальянскую коммунистическую партию и партию Сератти, — который, проделавши большой круг, — хочет ныне войти в Коммунистический Интернационал. Большинство этой партии, несомненно, стремится в него для подлинной революционной работы. Тут есть некоторое сходство с французской обстановкой. Во Франции имеется в виду объединить левое крыло и центр, но там левое крыло и центр входят формально в одну партию. Это только две тенденции, чтобы не сказать, две фракции, в Италии же это две разных партии. Сочетать их будет делом, разумеется, не простым, ибо задача будет в том, чтобы сочетать рабочие массы обеих этих партий, обеспечив в то же время твердое революционное коммунистическое руководство. Значит, и во Франции и в Италии задача в огромной степени имеет сейчас внутрипартийный, организационный, подготовительно-воспитатель-

ный характер, тогда как германская партия может и должна сейчас перейти и переходит в агитационное контр-наступление, пользуясь тем, что независимые и социал-демократы объединились и что коммунистическая партия является единственной партийной оппозицией. Еще несколько слов об Англии. Там наша коммунистическая партия является все еще успешно действующим агитационно-пропагандистским обществом, а не партией, которая непосредственно могла бы вести за собою массы.

Положение в Англии и Франции.

Но в Англии обстановка слагается или складывается в благоприятную для нас сторону за пределами самой коммунистической партии—в рабочем классе в целом. Сегодня получена телеграмма о том, что правительство Ллойд-Джорджа вышло в отставку.

Это было единственное правительство старше нашего (смех). Считалось, что мы являемся наименее устойчивым из всех правительств. Это любезный подарок Ллойд-Джорджа к нашему юбилею, чтобы нас не огорчать (смех). Это, очевидно, означает новые выборы в Англии. Новые выборы означают борьбу трех основных группировок: это консерваторы, унионисты, независимые либералы и... куда повернет Ллойд Джордж, это вопрос второстепенный, он может пойти и с консерваторами и с независимыми либералами, придерживая за правую руку рабочую партию. Это вопрос его личной карьеры. По существу это будет борьба между тремя группировками, при чем не исключены шансы, что у власти окажется коалиция рабочей партии и независимых либералов. Что это означает,— не требует пояснения. Появление рабочего класса у власти возлагает всю ответственность на рабочую партию за действия правительства и создает эпоху английской керенщины в эпоху парламентаризма, и небывало благоприятную обстановку для нашей коммунистической партии для политической работы. Если бы победили консерваторы (я затрудняюсь взвешивать шансы, но предположим этот вариант), то это означало бы только ухудшение внутреннего положения в стране, обострило бы оппозицию со стороны рабочей партии и тем самым создало бы короткий срок для новых выборов, потому что выборы могут произойти и через месяц, и через несколько месяцев, что было в Англии не раз. Другими словами, устойчивость во внутреннем политическом положении, которое увеличивалось коалицией во главе с Ллойд-Джорджем, с уходом Ллойд-Джорджа сдана в архив и в Англии происходят шатания и колебания, которые являются только выгодными для нас. Во Франции политика национального блока во главе с Пуанкаре похожа на

политику Ллойд-Джорджа и ничем от нее не отличается, хотя сегодня один английский корреспондент говорил мне, что в Англии считают, что политика Ллойд-Джорджа от политики Пуанкаре отличается, как небо от земли и, что в то время как Ллойд-Джордж в России пользуется большою популярностью, Пуанкаре пользуется большою ненавистью. На это я ему ответил, что Ллойд-Джордж по праву оспаривает ненависть у Пуанкаре со стороны наших рабочих масс. Этим он до последней степени был изумлен и обещал об этом открытии сообщать в английской печати (смех). Во Франции блок, который возглавляет Пуанкаре, имеет до своей формальной смерти два года и нет сомнения, что во Франции к власти придет левый блок, лидер которого—Эррио приезжал к нам в Москву. Он будет министром президентом. Другого кандидата нет, кроме Кайо, который выслан из Франции при Клемансо, как изменник, потому что он хотел прекращения войны. Его нужно еще прежде амнистировать, а это может сделать только новый парламент, и тогда он может благодаря влиянию оказаться во главе правительства. Но ближайшим кандидатом является в настоящее время Эррио, который подготавливает обстановку и условия для новой политики, для французской Керенщины. Ибо приход к власти левого блока означает власть радикалов и социалистов, которые несомненно в блок войдут. Опять для коммунистической партии обстановка архиблагоприятная, потому что теперь против национального блока борются и социалисты, и радикалы, и Жуо, а тогда только одна партия будет бороться против нового блока. Если будет левый блок, потому что старая масса национального блока износилась, то коммунистическая партия явится единственной оппозиционной партией, поэтому такая смена для нас является в высокой степени выгодной. В двух главных странах Европы—Англии и Франции—сейчас происходит перемена режима; в Англии происходит, а во Франции подготавливается ликвидация режима, который вырос из войны и из победы, которую одержали эти страны, и внутренняя раскачка, величайшее расшатывание устойчивости государств, восстановленных или полувосстановленных после войны, происходит сейчас и открывает более широкие перспективы для комм. партии. Но, товарищи, это все положительные факты, которые мы учитываем, но из всего, что я говорил, вытекает, что мы стоим в Европе еще в периоде подготовки организации внутреннего пересмотра коммунистических партий, их закала и борьбы за влияние на рабочую массу. Это значит, что мы, Советская Республика, должны будем дать коммунистическим партиям Европы еще годик-два и 3 года для подготовительной работы к завоеванию власти, а эта подготовительная работа более трудна, чем у нас, потому что там враг более

умелый и разумный, и мы наблюдаем во всех европейских странах создание контр-революционных банд, фашизма, того, чего у нас не было. Фашизм — это второе, неофициальное правительство, которому официальное уступает честь и место. Это неофициальное правительство не связано никакими фиктивными нормами демократии, оно громит, истребляет. Фашизм перестал быть явлением чисто итальянским. Фашизм распространяется во всех странах. В Германии это организация Оргеш и банды, которые только меняют вывеску. Во Франции фашизм имеет вывеску роялизма. Вы знаете, что во Франции есть партия роялистов, во главе которой стоит Леон Додэ, сын писателя Альфонса Додэ. Леон Додэ — это злобный гороховый шут. Чего он хочет? Он хочет восстановления Божьей милостью одного из Капетов. Программа для Французской Республики архаическая, но дело в том, что так как он роялист, то он борется против Республики и может не уважать нормы Республики, нормы демократии. Он создает банды, которые находятся у него в распоряжении для погрома, и буржуазия говорит: „это мой человек“.

Партия Додэ отличается от других партий тем, что она не связывает себя даже с внешними предрассудками или фикциями бюрократии. Додэ знает, как он готовит поджоги, истребления, кровопускания и проч. На моей памяти, французская пресса с начала войны раз 5, а то и 10 поднимала вопрос о слухах, которые ходят о назначении Леона Додэ — этого злобного горохового шута — этого французского Пуришкевича, — о назначении его министром внутренних дел. И это вовсе не шутка. Это преждевременно сейчас, но это та фигура, вокруг которой сплачиваются соответствующие элементы, подбираются элементы, которые будут играть для республики заглавную роль по ту сторону баррикады. И так во всех странах. Я не говорю уже об Англии, об английском парламенте, французском парламенте — одни церкви в Англии чего стоят! Не даром Ллойд Джордж говорит, что церковь это — центральная электрическая станция для всех партий, которая держит в руках всех вождей рабочего класса, а тут — вспомогательные банды для непосредственно боевых ударных целей. Это дает в общем некоторое представление о тех колоссальных трудностях, через которые придется проталкиваться коммунистическим партиям даже после того, как они завоеуют большинство рабочего класса. Но они еще не завоевали. Они его должны завоевать. Стало быть мы стоим перед процессом длительным, борьба европейского и мирового пролетариата за власть — очень тяжелая, затяжная, но — при правильной политике, — абсолютно верная, абсолютно надежная. Параллельно с ней будет иметь место величайший процесс нашего социалистического накопления, нашего социалистического строительства.

От работы наспех—к систематическому строительству.

С этой точки зрения нам во всех отношениях нужно от бивуачного образа жизни переходить к тому устойчивому оседлому образу жизни, от работы наспех и кое-как переходить к систематической и методической работе. А мы всем этим грешим. Нужно нам от нашей абсолютной универсальности переходить к тому, в чем я с т. Бухариным вполне согласен—к специализации. Переходить к углублению знаний во всех областях и более всего бороться против того типа, который наша история за эти 5 лет создала—это тип на все способного, все знающего, со стороны глядящего и всем указывающего. Я жил в эмиграции в Вене несколько лет и там есть такое слово, которое, кажется, ни на каком языке больше не найдешь—„Кибид“, запомните это слово—оно пригодится вам. Это слово обозначает человека, который, если увидит, например, что 2 человека играют в шахматы, то обязательно подсядет, и всегда знает самый лучший ход, а если с ним сядешь играть, то он окажется профаном после первого же хода. И это, конечно, относится не только к шахматной игре, а к чему угодно и к вопросам техники, мастерских и т. д. и т. д. Вот у нас эта болезнь „кибица“ имеет очень большое распространение. И это,—повторяю,—вытекает из всей нашей обстановки. Нас бросают и туда и сюда—и жнецом и гребцом и в дуду игрецом. Это бивуачное положение было терпимо, было неизбежно, но поскольку на западе идет длительная работа по подготовке, дисциплинированию, завоеванию доверия, и поскольку у нас идет работа—завоевания хозяйства, постольку переход на работу систематическую, методическую играет колоссальную роль и постольку выдвигается огромной важности вопрос о воспроизводстве нашей собственной партии, о восстановлении, возрождении ее рядов, пополнении убыли.

Воспитание молодежи—вопрос жизни и смерти партии.

В той же ячейке завода б. Бромлей, где я провел несколько часов, я увидел, что здесь партия держится главным образом на старых кадрах, т. е. на рабочих старшего возраста. Факт таков. Повидимому поколение, которое выросло в 16—17 году, нами было захвачено мало и там рабочие рассказывали, что молодые рабочие, которым сейчас 21—22—23, особенно 24 года, мало интересуются политикой, среди них индифферентизм, некоторое безразличие—пьянство, картежные игры распространены более, чем среди старшего и младшего поколения, а младшее поколение, которому сейчас 17—18—19 лет,—это элемент более благоприятный и устойчивый. Это новое поколение, выросшее уже в рамках устойчивой Советской власти. Оно все целиком не мыслит себя

иначе, чем Советским, оно ищет руководства, оно культурнее, оно группируется вокруг клуба, оно тяготеет к культуре—это поколение партия может цели-ком взять в свои руки.

Это новое поколение, выросшее в условиях советского режима, который они отражают. И вот нам нужно обеспечить восстановление основного капитала нашей партии. Это я говорю вовсе не для красного словца. Я говорю, что *вопрос о воспитании молодежи является сейчас вопросом жизни и смерти для нашей партии.*

На 4 конгрессе Коминтерна—где мы будем оценивать международную обстановку еще раз, где придется снова давать отсрочку европейской революции, мы скажем, что за эти полтора года, претекшие после 3-го конгресса, мы на своих ногах устояли, и что мы устоим, во-первых, потому, что мы научились владеть государственной властью и маневрировать и оперировать ею, а во 2-х потому, что мы научились и научаемся овладевать основным капиталом нашей партии.

Чистка была благодетельнейшим делом. Это сейчас совершенно ясно и несомненно. Она возвратила партии политическое доверие к самой себе, но вместе с тем она ограничила и сжала нашу партию, устранила элемент случайный и тем самым уменьшила партийные кадры, а задача у нас еще огромная. Новой правительственной власти на европейском горизонте раньше, чем через некоторое, очень большое число месяцев или некоторое хотя бы небольшое число лет, не появится и наша работа, конечно, будет протекать в лучшей обстановке, чем за прошлые пять лет, но все же мы не застрахованы от новых рецидивов капиталистического неистовства против нас, вплоть до восстановления фронтов—все это как раз вытекает из диалектики классовой борьбы. Сейчас обострение революционного движения в Европе может оказаться сигналом удару по Советской России. Практика возникновения пролетарской власти в Германии,—а история все таки очевидно будет разворачиваться из этого клубка, от России через Германию на запад—поставила перед нами задачи, далеко выходящие за пределы нашего внутреннего строительства. Для этого нам необходимо обновление наших партийных кадров, создание могущественного резерва молодежи, и если мы повторим коммунистическим партиям: *«вы, европейские коммунисты, прежде чем перед вами встанет ребром завоевание власти, уйдите в массы, учитесь исправлять свои ошибки, учитесь овладеть массой»*,—то мы нашей собственной партией скажем: *«перед нами молодая партия, которой мы должны овладеть для удержания в своих руках советской цитадели»* до тех пор, пока пролетарская революция овладеет Европой, а затем и всем миром".

